

Наталья КИСЕЛЕВА,

учитель русского языка и литературы школы «Надежда», г. Москва

Об умненькой девочке, которая так и не поняла «почему...»

«Какая у вас Наташенька умненькая», — так часто говорили *моим*, когда я была маленькой. «Моим» — это красавице маме и папе, тоже красивому, сильному и большому.

В свои пять я уже понимаю, что на них многие обращают внимание, потому что «красивые» и работают в театре и потому что она балерина, а он художник. Когда открывается занавес и все хлопают, хотя на сцене еще никого нет, — это хлопают папе, потому что он так все красиво нарисовал, а когда занавес закрывается, хлопают маме, потому что она так красиво танцевала Золушку или Белого лебедя. И еще я знаю, что хлопают им все, но «по правде» они только мои, и только мне папа вечером будет рисовать домик с трубой, а мама читать книжку про няню ланей.

У книжки твердая обложка, в ней дырка-кружок и в нем голова лани с большими мокрыми глазами и ресницами. Лань — это олененок, только *она*. Если книжку открыть, там уже лань с ножками, пятнышками на спинке и маленьким хвостиком. А дальше она бежит, а потом — «ножка — крак, лежит резвушка». К счастью, лесом шла старушка». Именно эта старушка возьмет лань и вылечит ее. В доме у нее много зверей, но «не трогали — ни-ни — гостью хворую они». Больше я не помню ни одной строчки из этой книжки, но помню, что мама говорит, как важно помогать всем, кому плохо.

Маме бывает плохо: я же умная и понимаю, что когда на сцене ее убивают ножом в плену у злого дядьки хана, — это плохо; когда ей дают корзину цветов, а из нее выползает змея и жалит, — это тоже страшно и плохо, и никто не идет «к счастью, лесом...». Это я уже позже узнаю, что артист должен действовать в предлагаемых обстоятельствах, что обстоятельства эти — бале-

ты Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан» и А. Минкуса «Баядерка», и что тетя Галя, которая убивает маму ножом и дарит корзинку, где сидит змея, тоже действует в предлагаемых обстоятельствах. Но сейчас, когда мне пять, я знаю одно: надо спасать маму, как няня ланей.

Бахчисарайский фонтан.
Национальный академический
Большой театр балета
Республики Беларусь

В театр мне можно ходить часто, когда утренний спектакль, когда не с кем меня оставить, когда я очень-очень-преочень прошу и т.д. Днем меня в театре пускают везде: где шьют костюмы, хранят разные вещи, делают мебель, рисуют картинки к спектаклям. Днем мне все дают, иногда даже насовсем: можно померить корону, взять разноцветные бархатные кусочки, унести с замиранием сердца старый страусовый веер. Вечером на спектакле нельзя почти ничего: шуметь, что-то трогать руками в маминой и тети Галиной примерке, заходить в зал, когда уже погас свет, выходить, пока он не включился. Я «умненькая», поэтому вечером всегда помнила про «ни-че-го».

В тот вечер была «Баядерка». Где злая Гамзатти (тетя Галя) со своей корзинкой, где змея, и добрая Никия (моя мама), которая эту корзинку берет. Мама танцует с корзинкой, змея «понарошку» выползает, извивается в руках мамы, а потом ее жалит, и «ножка — крак», мама падает — «лежит резвушка». То, что змея понарошечная, я знала. Мне добрый папа показал ее: резиновая колбаса (шланг от проти-

Баядерка.
Красноярский театр

вогаза, как я узнала значительно позже) с приделанной головой. Я ее брать не стала, но знала, что, если взять, она не укусит.

На сцене змея оживала (наверное, тоже действовала в предлагаемых обстоятельствах, в гримерке она игрушечная: я это точно знала) и пряталась в корзине с цветами. Корзина — в гримерке, где трогать ничего нельзя.

Напрасно меня взяли на спектакль в тот вечер. Два действия я была зрителем, но в третьем я должна была стать той, кто «к счастью, лесом...». Третье действие мне разрешили сидеть в гримерке, потому что мне уже надоело смотреть, а здесь я «ничего не трогаю». Но не сегодня.

Тетя Галя и мама пошли на сцену играть в Никию и Гамзатти, а я осталась, «к счастью...». Змею вытащила — подумаешь, «понарошку», хоть и похожа, и засунула ее под диванчик, на котором до этого чинно сидела.

Четвертый акт. Я уже в зале. Вот Гамзатти со своей корзиной, мама ведь знает, что может быть, но берет, танцует и... никто не

выползает, ничего не извивается, никто не жалит. Ура!!! Я помогла, чтобы не было плохо. Но Никия почему-то опускает сама руку в корзину, зачем-то ищет в ней что-то, испуганно отдергивает руку, в ужасе смотрит на нее и падает.

«Умненькая Наташа» так и не смогла тогда понять «почему...»: почему нельзя было трогать змею, почему нельзя было спасти маму, почему нельзя было просто подарить Никии цветы и ничего туда не класть.

Мне что-то потом говорили про волшебную силу искусства, про то, что люди должны различать добро и зло и для этого должны быть такие спектакли, что если я не понимаю, меня просто брать и пускать никуда не будут. Много чего говорили. Мама тоже говорила, тоже ругала и грозила, что ноги моей в гримерке не будет, но глаза у нее были, как у лани в окошке — дырочке на обложке: огромные, с длинными ресницами и со слезами. Но мне почему-то казалось, что это не от обиды, а от какой-то радости. Может, потому, что «у них такая Наташенька умненькая».

Иван ВЕДЕРНИКОВ,

8 класс школы «Надежда», г. Москва

Как училась моя мама

(СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ)

Мне кажется, что лет через тридцать—сорок я так же, как сейчас моя мама, буду сидеть с моими детьми, вспоминать школу, рассказывать о компьютерах и шариковых ручках, а они будут в душе посмеиваться: «Как же вы могли учиться в таком допотопном мире?» А мне нравится сейчас ходить в школу, и я уже потихоньку собираю свою папку с тетрадками, дневниками, грамотами и фотографиями.

Ив. ВЕДЕРНИКОВ